

Работа в зоне бедствия (Ленинаканский дневник). Прибытие

В 2018 г. исполнилось 30 лет со дня одного из наиболее трагических событий в истории нашей страны – Спитакского (Ленинаканского) землетрясения, унесшего жизни не менее 25 000 человек (по неофициальным данным, около 150 000 человек).

В январе 1989 г. автор воспоминаний – Николай Афанасьевич Самусь – из г. Волгограда был направлен в качестве технического руководителя изыскательской группы НижневолжГИСИЗ в состав экспедиции Госстроя РСФСР в зону землетрясения – г. Ленинакан (ныне г. Гюмри), где был назначен главным геологом экспедиции. Работа была чрезвычайно масштабная и столь же специфическая. Ныне почётный изыскатель СРО «АИИС» Николай Афанасьевич работает геологом-консультантом в ООО «ГеоСИМ».

В марте, апреле и мае журнал «ГеоИнфо» опубликует в виде небольших заметок, выходящих по 2 раза в неделю, воспоминания Николая Афанасьевича о той работе.

В полном объёме текст воспоминаний публикуется впервые.

Самусь Николай Афанасьевич
Геолог-консультант ООО «ГеоСИМ»
Samus.nikolaj@yandex.ru

Вечернее сообщение по телевидению 7 декабря 1988 года о сильном землетрясении в Спитаке ошеломило цифрами человеческих жертв. Как такое могло случиться? Придя на следующее утро на работу, я первым делом поднялся в техническую библиотеку треста и взял запылившийся от ненадобности в нашем регионе СНиП (строительные нормы и правила) на строительство в сейсмических районах, стал внимательно вчитываться в него и разбираться в особенностях изысканий для такого строительства, предположив, что нас эта проблема стороной не обойдёт. Делился этой мыслью и с начальником отдела, и заходил к руководству треста. Появилось сообщение о создании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения, руководителем которой на первое время был назначен Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков. Он сразу замелькал на экранах телевизоров уже в Спитаке и Ленинакане, проронив перед телекамерой слезу, за что позже от хлётских журналистов получил прозвище «плачущего большевика». От себя скажу, опираясь на увиденное позже: зрелище не для слабонервных. Сообщается всё возрастающее число жертв стихийного бедствия, постепенно прекращаются сообщения об извлечении живых людей из-под завалов.

В начале января меня вызвал почему-то не управляющий, а главный инженер, и задал вопрос, готов ли я при необходимости выехать в Армению для участия в работах по ликвидации последствий землетрясения. На вопрос, в каком ранге, мне было предложено: на месте координировать техническую сторону работы группы геологов и бурильщиков нашего треста, которую предполагалось направить в состав создаваемой экспедиции Госстроя РСФСР для выполнения изысканий в г. Ленинакане (Гюмри) и его окрестностях. Позже я предположил, но не стал уточнять, что на самом деле моё фактическое участие в работе было определено именно в это время без постановки меня в известность. Скорее всего, главный инженер объединения «Стройизыскания» С.А. Акинфиев переговорил с нашим главным инженером, поскольку управляющий трестом у нас был новым, в Москве его не знали, да и сам он, похоже, с кадрами треста ещё не разобрался. Согласился я сразу, вспомнив свой небольшой опыт оценки сейсмичности строительных площадок на острове Куба и веря в свои силы (в это время, вернувшись из трёхлетней командировки в Республику Куба, куда я поехал сразу с трёх должностей: начальника отделов подготовки и организации производства и технического и исполняющего обязанности заместителя главного инженера, я полгода проработал в должности главного специалиста по опытно-полевым испытаниям грунтов технического отдела НижневолжТИСИЗ, далее – НВТИСИЗ, а затем по своей инициативе перешёл работать главным специалистом в отдел комплексных исследований оснований фундаментов (ОКИОФ) НВТИСИЗ, удивив сослуживцев добровольным уходом с «непыльной» работы. Моя жена вернулась с Кубы на прежнее рабочее место в институте ВолгоградНИПИнефть, дочь Оля училась на пятом курсе геологического факультета МГУ, а сын Алексей после второго курса геолфака МГУ, тоже гидрогеолог, как и Оля, служил в Армии в Эстонии).

Административное руководство работой группы бурильщиков и геологов от нашего НВТИСИЗа в составе экспедиции Госстроя РСФСР в зоне бедствия, размещение людей, организация исполнения первичной камеральной обработкой – было поручено Хохлову Анатолию Ивановичу, заместителю начальника инженерно-геологического отдела Германа Алексеевича Мартынова. Я же усиленно изучал нормативные документы по изысканиям в сейсмических районах, что для нас,

волгоградцев, было совсем новым. Надо было определиться, с чем там столкнёмся, начиная с геологии, подумать об условиях и местах проведения лабораторных исследований, природных условиях западной Армении, чтобы не явиться совсем не подготовленным.

Как мы узнали по прибытию на место, вся зона бедствия была к этому времени разделена Советским Правительством на 14 участков по числу союзных республик, кроме пострадавшей. Каждый из участков был закреплён за одной республикой, и там её силами велись изыскания, проектирование и строительно-восстановительные работы: где ремонт и восстановление, а где – новое строительство. РСФСР, как самой большой союзной республике, достался участок с самыми значительными разрушениями и людскими потерями – Ленинакан (сейчас город Гюмри) и его окрестности.

К моему изумлению выяснилось ещё одно обстоятельство. Оказывается, в Армении даже в 1988 году не имелось ни одной специализированной организации, которая была бы нацелена только на выполнении инженерно-строительных изысканий, как с начала 60-х ТИСИзы в РСФСР или ГИИНТИзы на Украине, или БелГИИЗ в Белоруссии. Такая организация только после землетрясения создавалась в начале 1989 года в Ереване – Арминжпроект, директором которого был назначен Васканын Арташез Эрджаникович (так у меня записано в дневнике). До этого инженерные изыскания для строительства в Армении выполнялись или проектно-изыскательскими организациями (например, бывший Армгидэп – филиал Гидропроекта), или приезжими из других республик. Практически не существовало и городских архивов. Во всяком случае, в Ленинакане на мой вопрос о доступности архива был получен уклончивый ответ, что здание сильно повреждено, и архив не работает – это уже во второй половине января 1989 года).

Наученный работой на Кубе, а также ожидая лавинообразного наплыва информации, а ещё больше – спроса на неё, я ещё из дома взял с собой две чистые студенческие тетради по 96 листов для дневников: один для фиксации текущих рабочих проблем и второй – для копилки собственных впечатлений. В первый дневник старался заносить фамилии и имена посетителей, часто не успевая упомянуть организацию и даже дату. Со вторым дневником складывалось по-разному. Иногда записи велись далеко за полночь, а иногда бывали и пропуски, так как подчинялся собственному правилу писать для себя только то, что за день уверенно запомнилось, без ошибок. Конечно, все заметки были конспективные, но по прошествии почти 30 лет, безусловно, именно ими пришлось пользоваться. Перечислить всех, с кем пришлось встречаться и работать – нет возможности. Да и далеко не всех смог вспомнить в лицо. Работа над этими заметками показала, что некоторую информацию можно и нужно обобщать и сокращать, я её здесь набирал прямым шрифтом, а некоторую лучше подать в том первоизданном виде, в каком она попала в дневник, лишь с незначительной правкой. Если правка занимала менее 10% текста, я привожу его, как правило, курсивом. Все фото в тексте – авторские, даже те, что числятся как из фототеки автора: все снимались моим фотоаппаратом.

Итак, **16 января**, чартерный спецрейс 30155. Нанятый специально для нашей группы трестовских изыскателей (буровые установки ушли из Волгограда раньше через Грузию) ЯК-40 вырулил на взлётную полосу, по которой тянулись частые струйки позёмки. Хотя с утра был обильный снегопад с ветром, и мы по дороге в аэропорт нервничали, опасаясь опоздать к вылету самолёта, состоялся он точно по

расписанию. В половине одиннадцатого посадка в Минеральных Водах, через час, загрузившись под завязку попутчиками с деловой хваткой – вылет. Предгорья Кавказа почти без снега, ближе к горам – тучи, у главного Кавказского хребта – ясная погода. Великолепная панорама: горы, ущелья и снег. На оголённых склонах чётко просматривается наклонённая к северу толща флиша мелового возраста, слои которой транслируются через распадки с горы на гору до главного хребта. Справа – две белые шапки Эльбруса, слева, если не ошибаюсь – торчащая из белых, как плотное стадо барашков, облаков тёмная стенка Ушбы. Закавказье всё в снегу. Ленинанкан встречает солнцем и ослепительной белизной. Из снега торчат почти чёрные «клыки» вокруг кальдеры Арагаца. При снижении через окно самолёта всматриваюсь в город. Частный сектор стоит почти целый. В аэропорту нас встречает трестовский шофёр Гена Моисеев на грузовике, едем в город в кунге, как в «воронке». Хорошо, что всего несколько минут. В городе – развалины многоэтажек и навалы обломков зданий.

Поселяемся в вагоне №10 поезда экспедиции Госстроя РСФСР, поставленного в тупике железной дороги возле прядильно-ткацкого комбината в качестве жилья, штабных вагонов и вагонов-ресторанов, приспособленных под столовые для изыскателей. Купе в плацкартном вагоне на двоих. Не успеваю выложить вещи из своего рюкзака – идём в вагон-столовую. Только разнесли нам, опоздавшим, обед – заходят в вагон Станислав Алексеевич Акинфиев, главный инженер объединения «Стройизыскания», что в Москве, Солодухин Михаил Абрамович – главный инженер ЛенТИСИЗа и другие. Акинфиев повёл глазами по сидящим, увидев меня, *сделал* удивлённые глаза, поздоровался и спросил: «Ты откуда?». Я показал пальцем на небо и ответил: оттуда. «Хорошо, нужный человек приехал, завтра же в дело. Как пообедаете – заходи в 9-е купе в командирском спальном вагоне».

Захожу. Без лишних слов Акинфиев распоряжается назначить меня главным геологом экспедиции. Успеваю вставить слово, что надо бы утрясти с руководством нашего треста, поскольку я командирован для руководства технической стороной в своей группе (у нас было 3 станка, укомплектованных буровыми бригадами, техниками и геологами). Отвечает: «Этот вопрос беру на себя. Консультации своих специалистов остаются за тобой, основная работа – в экспедиции». Передаёт бумаги, чуть позже официально знакомит с Солодухиным, которого я раньше знал по участию в научно-технических конференциях, но общаться с ним до этого не приходилось. На завтра Акинфиев назначает поездку в Ереван.

Вечером – совещание в «штабном» вагоне поезда, знакомлюсь с армянскими специалистами, геологами из Тулы и Ленинграда. Потом общее собрание старших технических (как и я) специалистов от всех уже прибывших групп (как показал подсчёт, в распоряжении экспедиции находилось 46 буровых бригад с машинами из 23 ТИСИЗов европейской России, Урала и Западной Сибири). В очень коротком выступлении обращаю внимание специалистов, во-первых, на необходимость учитывать особенности изысканий в сейсмических районах, во-вторых – быть готовыми оперативно и очень быстро решать отдельные очень срочные поручения, когда решение нужно выдавать в течение суток. На эту мою фразу из глубины штабного вагона раздаётся реплика: «Демагогия!» «Не демагогия, – возражаю я, – а вполне возможная реальность, учитывая, сколько союзного начальства приехало сюда. Если у кого в таких случаях будут возникать вопросы – задавайте их мне, буду всё время здесь и по возможности помогать».

Надо сказать, что мои отношения как с руководителями групп от трестов, так и со старшими техническими специалистами (геологами) на протяжении всего времени работы в экспедиции были хорошими, дружескими, при зарождении какого-то напряжения, а чаще и без этого, стороны не упускали случая пустить в ход шутку. Помню, как однажды в штабном вагоне я за что-то сказал «спасибо!» молодому начальнику партии из МосЦТИСИза Потапову Николаю Тимофеевичу. Он вскинул голову и назидательным тоном ответил чисто по-московски: «Спасибо в карман не положишь и в стакан не нальёшь!», вызвав смех присутствующих.

В половине десятого вечера захожу в свой 10-й вагон, в нём темно (отключился свет) и стоит храп. При свете фонарика делаю короткую запись в дневнике и тоже валюсь спать...

Продолжение следует.